

## ПУТИ ГОСПОДНИ...

Рассказы

### БОЖИЙ СТРАННИК

В отпуск в этом году я наконец-то поехал в Питер. Неделю сидел в библиотеке Духовной семинарии, отбирая и копируя ноты для нашего церковного хора. В конце недели решил съездить навестить своих друзей. Какое-то время по окончании семинарии, еще до своей женитьбы, я оставался в Петербурге и работал регентом в одном из открывшихся вновь храмов. Певчих для хора удалось набрать без труда, Петербург — город старых музыкальных традиций. Большинство моих певчих были людьми хотя и одаренными от природы, но, если так можно выразиться, свободными от всех обязанностей, кроме разве одной — просто жить, ничем себя в этой жизни не обременяя. Про себя я называл их «блаженными», не в смысле того, что они святые; грешники, конечно, и водку пьют, и с женщинами амуры себе позволяют. «Блаженные» они для меня были в том смысле, что ничего от этой жизни не требовали, а довольствовались тем, что Бог послал, и этому радовались искренне, как дети. Себя и круг наших общих знакомых мы именовали «петергофской тусовкой». Каждый из этих «тусовщиков» обладал какими-либо достоинствами, впрочем, как и недостатками. Например, Владислав Крылышкин, по прозвищу Мефодий, слыл искусствоведом, в чем многие сомневались. Но вот в организаторских способностях Мефодия никто не сомневался. Александр Шкловский, по прозвищу Шульц, был замечательный музыкант, в таланте которого никто не сомневался. Когда он после хорошей чарки начинал импровизировать на флейте, все вокруг замирали в благоговейном восторге. Но самым непосредственным «тусовщиком» был Вадим Садков, по прозвищу Садик. Нигде он постоянно не работал, семьи не имел. Просто жил под небом и радовался этой жизни. Про таких скажут: «Никчемный человек, зря только небо коптит». Однако Садика все очень любили, поскольку он был совершенно бескорыстным, незлобивым и добродушным человеком, к тому же Бог наградил его многими талантами. Садик, например, прекрасно исполнял под гитару старинные русские романсы. И в связи с этим, а может не только, имел немало поклонниц среди прекрасной половины человечества. Он пел в церковном хоре, да так вдохновенно, что, казалось, еще немного, и он отделится от пола, и там, «на воздушных», даже не заметит свое воспарение. Кроме того, Садик слыл модным художником, картины которого были занесены в зарубежные каталоги, хотя он никогда не обучался художеству. На эту стезю художественных дарований Садика вывел следующий забавный случай.

Когда он обучался в Петербургской Духовной семинарии (потом его оттуда выгнали), то вместе с семинарским хором поехал в Германию для концертных выступлений. После окончания программы им раздали по двести марок, и хор вернулся в Петербург. Садик, естественно, напился и решил остаться еще погулять в Германии. Пока он пропивал в баре свой гонорар, к нему подошел русский художник и попросил похмелиться. Садик, естественно, с радостью встретил своего соотечественника, и они напились вместе. Художник посоветовал, что приехал в Германию подзаработать, но его картины не берут. «Эти немчуряги в настоящем искусстве ничего не смыслят», — жаловался он. Перед тем как распрощаться, он подарил Садика свои кисти, краски и мольберт, а сам ушел на поезд, чтобы вернуться в Россию.

Утром, когда Садик проснулся, как он сам выразился, «трубы горят, а в карманах ветер гуляет». Взял он мольберт и пошел на городскую площадь. Площадь красивая, как игрушечная, кругом дома с остроконечными крышами и соборы готические. На открытых террасах возле баров и кафе люди сидят, пиво потягивают и говорят что-то на непонятном для Садика языке. Еще он заметил, что на площади художников много: сидят, соборы да дворцы рисуют. Решил и Садик что-нибудь нарисовать. Но дворцы и соборы для него оказались слишком сложными, кисти-то он никогда в руках не держал, потому решил рисовать людей с натуры, как они пиво пьют. Выбрал себе натуру покрупнее и давай малевать. Но, поскольку его взор притягивала больше не живая натура, а кружка с холодным пивом, то вначале он стал рисовать именно ее. В изображение кружки он вложил всю свою жаждающую похмелья душу. Кружка получилась у него огромная, на две трети листа. Так что для немца, ее держащего, места почти не осталось. Но он все равно его пририсовал. Маленького, толстенького, как таракана. Закончил Садик картину, задумался: что же ему дальше рисовать. Слышит, за спиной кто-то губами причмокивает: «Гут, зер гут».

Это немец подошел, показывает, что картина ему понравилась, и он хочет ее приобрести. Обрадовался Садик, думает, если пять марок даст этот немчуряга, то как раз хватит похмелиться. Подает ему картину. Немец сует ему купюру в сто марок. Садик испугался, думает, чем я ему сдачу буду сдавать? «Найн, найн», — и показывает немцу растопыренную ладонь.

— Энтшульдиген зи, — сказал немец, убрал сто марок, сунул другую купюру и ушел.

Разворачивает ее Садик, смотрит, а это пятьсот марок. Так он и стал художником.

Вот этого самого Садика я и решил навестить в первую очередь. Доехал на электричке до остановки «Стрельна», вышел и иду по Петергофскому шоссе в сторону его дома. Тут мимо меня, громыхая и чадя, проехала «Победа», раскрашенная темно-зелеными пятнами под маскировку, как у военных автомобилей. Проехала — и остановилась. Из «Победы» выскакивает Садик, бежит ко мне, руки растопырил и орет:

— Алешка, друг, наконец-то приехал! Вот радость-то какая, еду, смотрю, ты идешь, я глазам своим вначале не поверил.

Обнимет он меня, потом отойдет на шаг, посмотрит и снова обнимет.

— Ну, браток, садись в мой лимузин, прокачу с ветерком. Видишь, какой он у меня красивый, сам его раскрашивал. Нравится? То-то. Так, куда едем? — спросил Садик, когда я сел в автомобиль.

— Да, собственно говоря, я в гости к вам приехал, так что мне все равно.

— Замечательно, Алеша, друг, значит, тогда гуляем по полной программе. Сейчас едем ко мне домой, пообедаем. Правда, насчет продуктов у меня шаром покати, но это поправимо. Я сейчас при деньгах, все необходимое в магазине купим. Я ведь теперь, Лешка, бизнесом занимаюсь.

— Каким бизнесом? — удивился я.

— Все расскажу, у меня секретов от друзей нет. Я умею, значит, пусть другие люди тоже умеют. Ведь все кушать хотят, и всех Бог сотворил равными.

— А рисовать картины бросил, что ли? — спросил я.

— Нет, рисую помаленьку, для души. Вот приедем домой, я тебе покажу свою последнюю работу.

Он остановил машину около магазина, пошел за покупками. Приходит через несколько минут и радостно сообщает мне:

— Ну, Лешка, живем, закусон — что надо, деликатесный. Вот, посмотри.

Я заглянул в пакет, там было три бутылки водки, ананас, крабовые палочки и батон.

— Не многовато ли? — спрашиваю я.

— Что ты, брат, не сомневайся. Ананас — очень полезная штука. Как ты думаешь, почему негры такие боксеры сильные? Потому что ананасы целый день жрут.

— Да я не про ананас, я о водке говорю.

— Водки много не бывает, — засмеялся Садик, — это чтобы потом не пришлось бежать. В самый раз по бутылке на брата.

— Но ведь нас только двое, а здесь три.

— Ты что же, Лешка, нашего Шульца не знаешь? У него нюх, как у собаки. У себя в Александрии обязательно учует и придет, как пить дать, придет.

— Ну, если придет, то ладно, — согласился я.

Когда мы прибыли в маленький домик Садика, то еле пролезли в комнату через завалы каких-то вещей. Стол тоже был завален разным хламом.

— Сейчас уберем, — сказал Садик и мгновенно смахнул все на пол, водрузив на стол водку и экзотическую закуску.

— Вот, Лешка, полюбуйся на мое последнее произведение искусства.

Он вытащил натянутый на рамку холст, на котором был намалеван яркий клоун, почему-то без одной ноги, вместо которой торчал черный протез-костыль.

— Почему клоун на протезе? — удивился я.

— Краски на ногу не хватило, — признался Садик, одна черная осталась, вот и пришлось костыль рисовать.

Но, между прочим, именно из-за этого костыля одна дама покупает у меня эту картину для своего офиса за пятьсот баксов.

— Да ну, — удивился я, присматриваясь к картине повнимательнее. Но так ничего особенного на пятьсот долларов в ней не увидел. Наверное, не разбираюсь в современном искусстве — сделал я о себе печальное заключение.

— Ну, рассказывай, Садик, каким ты бизнесом занимаешься?

— В Финляндию за шмотками гоняю каждый месяц.

— Да, по-моему, там дороже, чем в наших магазинах, во всяком случае, не дешевле.

— Правильно мыслишь, Лешка, но я ведь не покупаю, а бесплатно беру.

— Как так, — опешил я, — воруешь, что ли?

— Что ты, брат, как можно, воровать — это грех непростительный. Финны — они же такие простодыры! Мы — дураки, а они еще дурнее. Они свои вещи хорошие выбрасывают на помойку, — он стал трясти на себе

джерпер: — Вот — с помойки, брюки — с помойки. Все, что на мне, все с помойки. Вот эти узлы, что мы с тобой перешагивали, полные хороших шмоток — тоже с помойки. Только, конечно, помойка не в нашем смысле. У финнов все культурно. У них стоят специальные ящики на улице, куда они выкидывают только свою одежду и обувь. Правда, в эти ящики трудно забраться, но я приспособился. Беру, значит, палочку, на конец ее прибиваю гвоздик, и в контейнер. Пошарю, пошарю там, наткнувшись на солидный пакет, подцеплю его и тяну. Тут целое искусство, Лешка, как на рыбалке, может сорваться. Потому тяну осторожно, со вниманием. В Финляндию также еду не с пустыми руками. Везу с собой кое-какой дефицитный для них товар.

— Водку, наверное? — догадался я.

— Именно ее, родимую. С собой разрешено провозить только две бутылки. А больше — ни-ни. Раз попадешься, и кранты, граница для тебя навсегда закрыта. Так что я только две — на продажу, и блок сигарет, у них там она намного дороже. Но ведь в Финляндии я несколько дней бываю, и самому хочется иногда выпить. Потому я и придумал маленькую хитрость, ни один таможенник не докумекает ее. С собой разрешено провозить личные средства гигиены. Я беру флакон из-под одеколона, наливаю туда спирт и добавляю немного одеколона для запаха. Затем беру флакон с анисом, из рыбацкого комплекта, для прикормки рыб, выливаю анис, наливаю туда спирт и ароматизирую анисом, тоже для запаха. И спокойно все это провожу через таможню.

— А где же ты там живешь все эти дни?

— Хороший вопрос, Лешка, тебе не регентом работать, а следователем прокуратуры, все на лету схватываешь. Конечно, гостиницы там страшно дорогие, даже очень дорогие. С питанием-то легче, у них в магазинах чуть консервы просрочены, они их на помойку. Но что финну — смерть, нам, русским — на пользу. Ну и гостиницу я себе шикарную и дешевую придумал. Всего две финских марки за ночь.

— Это где такие дешевые гостиницы?

— Я, Лешка, в туалетах для инвалидов ночую, — и он рассмеялся, видя мое растерянное удивление. — Да это же, Лешка, не наши туалеты, это финские. Чистота идеальная, как в ресторане «Астория». Кафель белизной сверкает, зеркала. В зале, где умывальники, стол роскошный, носилки, раскладушки. За столом поел, на носилках выспался и всего за две финские марки. Опустил их в щель, дверь автоматически открывается и ты — в раю. Конечно, я выбираю туалет где-нибудь на окраине города. Ну, какой инвалид ночью, да еще на окраине города, в туалет пойдет. Правда, один раз был казус. Прихожу я ночевать в туалет, разложил закусон, хлебнул из фляжки анисовки. Так мне, Лешка, хорошо на душе стало... Допил я свою анисовку, мне еще лучше стало. Смотрю, на стене какая-то кнопка красная. Размечтался я, думаю, нажму на эту кнопку, заиграет мелодичная тихая музыка, и пойдет ко мне прекрасная девушка в белом бальном платье, и будем мы с ней танцевать. Нажал кнопку, жду. Через некоторое время действительно открылась дверь, входит девушка в белом, смотрит удивленно на меня, что-то лопочет по-фински. Я говорю: «Проходите, проходите, будем танцевать». Вслед за ней заходят еще два верзилы. Оказалось, что эта кнопка срочного вызова санитарной машины. Ну и выпроводили меня, конечно, на улицу. Подождал я, пока они уедут, и пришлось еще две марки израсходовать.

Пока мы разговаривали с Садиком, пришел Шульц с флейтой.

— А я думаю, что это у меня с утра нос чешется, — кричит он с порога, — оно вот, оказывается, к чему! Приметы всегда верный прогноз дают.

— Ну, что я тебе, Алешка, говорил, — смеется Садик, — я Шульца, как облупленного, знаю.

...Прошло два года после моей встречи с Садиком, и вновь мне с ним довелось встретиться за сотни километров от Питера. С одними нашими знакомыми мы в летний отпуск отправились в паломническую поездку к преподобному Серафиму Саровскому в Дивеево. По дороге остановились заночевать в Санаксарском монастыре. Выхожу за ворота монастыря и вижу — ко мне навстречу устремился какой-то человек в длинном сером плаще, в широкополой фетровой шляпе, за плечами рюкзак. Но когда он закричал: «Лешка, дружище, дай я тебя обниму», — тут я сразу узнал Садика. Подбегает, обнимает меня и говорит:

— Вот, Леха, гора с горой не сходятся, а человек с человеком всегда сойтись могут.

— Ты что тут делаешь, Садик, какими судьбами?

— Я теперь, Лешка, божьим странником стал, второй год по Руси Святой хожу и все никак не нарадуюсь жизни такой, и чего я раньше не додумался до этого?

Мы с ним присели на скамейку около монастыря, взяли в киоске санаксарских пряников и душистого чая, и Садик поведал мне свою историю.

— Поехали мы, Лешка, к Шульцу в Александрию, его день рождения отмечать. Сидим, выпиваем за его здоровье. Сам знаешь, у Шульца скатертей никогда на столе не бывает. А стол-то старинный, еще с царских времен остался. Дед Шульца в императорском дворце поваром служил. Много чего от его деда осталось. Шульц, конечно, по доброте своей половину раздал, а половину пропил. Но стол этот берег как память. И уж если у него гулянка, то он обязательно этот стол газетами застилает, чтобы селедкой не перепачкали. Ты же знаешь, Лешка, я никогда телевизор не смотрю, газет не читаю, а тут вижу — между моей рюмкой и бутербродом с сыром на газете фотография девочки лет шести-семи. Такая красивая девчушка с двумя огромными бантами, как Мальвина из сказки «Буратино». А над фотографией крупными буквами написано: «Добрые люди, спасите девочку». От чего же, думаю, ее спасать? Ну и пока Шульц на своей флейте улаждал нас музыкой, я заметку под фотографией